

ШУМ МОРЯ

Весна приходит в северные земли поздно. Тусклым туманным утром, когда бледная плакальщица-луна еще не исчезла с небосвода, невидимкой крадется долгожданная гостья мимо серых стен, наглухо запертых окон и хмурых сонных людей, кутающихся в теплые одежды. Никто не слышит ее осторожных шагов, так они легки и невесомы, но совсем скоро она осмелеет: промозглый ветер с моря сменится легким теплым дуновением; на пригорках, где уже сошел снег, проклюнутся зеленоватые, почти прозрачные листочки и распустятся белые цветы.

Однажды на рассвете запоет первая птица, вернувшаяся из дальних странствий.

Быть может, именно смена времен года и есть величайшее чудо из всех возможных? Если так, думала Фаби, то нет ничего удивительного в том, что место, куда уже давным-давно по-настоящему не приходили осень и зима, превратилось в обитель вечной печали.

Дерево-дворец растет здесь не одну тысячу лет — вгрызается мощными корнями в самую сердцевину острова, цепляется за землю, словно страхась звездного ветра, который с легкостью мог бы выдернуть его и унести прочь. Когда-то этот ветер принес сюда скитальцев, заблудившихся посреди Вечной ночи, — гордые дети неба не знали, что временный

ШУМ МОРЯ

приют вскоре станет для них единственным пристанищем, хотя и не превратится никогда в настоящий дом. Призрак Прародины будет вечно витать над ними, питаясь потаенными слезами, горечью одиночества, тоской о несбыточном.

Корни уходят вглубь. Если спуститься за ними следом, то можно попасть в пещеры, где спят безымянные существа, лишенные памяти. Тьма и тишина; изредка мимо дремлющих созданий пробегают другие подземные обитатели, даже не подозревающие о странных соседях, которые пахнут металлом, почти не шевелятся и не чувствуют, когда кто-то случайно прикасается к ним.

Они спят.

Они ждут...

Фаби очнулась; ее колотила сильная дрожь, лоб покрывали крупные капли пота. Странный сон пришел к девушке среди бела дня, как случалось уже не раз, и теперь уповать на совпадение было глупо. «Что-то происходит, — подумала она. — Что-то происходит... со мной». Страх был подобен невнятной шепоту, раздающемуся где-то на самой границе сознания; отчасти походил он и на легкое прикосновение чьей-то руки в пустой и темной комнате.

Она глубоко вздохнула, зажмурилась: надо успокоиться, пока Ризель ничего не заметила. У принцессы достаточно тревог, не хватало ей спутницы, грезящей наяву... и о чем?! О тварях, обитающих глубоко под Облачной цитаделью, у которой, оказывается, есть корни, словно у дерева.

«Заступница, помоги! Я, кажется, схожу с ума...»

Фаби открыла глаза и поняла, что принцессы рядом нет.

С недавних пор Ризель завела привычку проводить много времени в Садах Иллюзий. Это было необычно, поскольку ранее ее высочество предпочитала собственный сад, неухоженный и дикий, — тот самый, где ее едва не убил сумасшедший оборотень-пересмешник, решив отомстить капитану-императору за падение своего клана. Однажды Ризель целое утро

просидела в беседке, расположенной в самом центре Садов — неподалеку от озера, чью гладь усеивали бело-желтые водяные лилии, — и уже на следующий день эта беседка превратилась в ее кабинет, заваленный книгами и бумагами. Принцесса сидела на полу перед низким столиком, просматривала отчеты своих подручных, писала письма и приказы, иногда ради собственного удовольствия читала — ей нравились истории о путешествиях, воспоминания и путевые дневники людей и магусов, давным-давно отправившихся считать острова. Для Фаби в беседке тоже нашлось место, хотя в последнее время Ризель перестала давать ей особые поручения, позволяя спутнице спокойно вышивать, читать или даже дремать. Впрочем, как раз последнее не приносило удовольствия из-за повторяющихся тревожных видений, о которых Фаби не решалась никому рассказать.

Вот и теперь она ненадолго провалилась в сон, а принцесса тем временем исчезла.

— Ваше высочество! — позвала Фаби и услышала в собственном голосе страх.

Неужели что-то случилось? Нет, невозможно — это ведь Сады, здесь безопасно... С трудом уняв тревогу, она вышла из беседки и огляделась: повсюду царило безмятежное вечное лето, над кустами жасмина гудели пчелы, а где-то неподалеку играла гитара. Пальцы невидимого музыканта заставляли струны звучать то грозно и жестоко, то жалобно и щемяще; мелодия, исполненная светлой печали, была прекрасна до слез. Фаби знала всех бардов, удостоившихся чести играть в Садах, но не назвала бы ни одного, способного на такое. Невольно позабыв о принцессе, она свернула на тропинку, ведущую к озеру, и вскоре оказалась на берегу.

На камне у самой воды сидела девушка. У незнакомки, одетой в простое белое платье, были темно-рыжие волосы, заплетенные во множество косичек, украшенных монетками, кольцами и разноцветными лентами... а еще у нее были крылья. Ослепительно-белые, большие — на зависть любому

ШУМ МОРЯ

из ручных лебедей, обитавших на другой стороне озера, — и настоящие. Сложенные за спиной, они то и дело подрагивали, когда музыкантша недовольно хмурилась или, наоборот, улыбалась, думая о своем.

«Я сплю, — подумала Фаби, ошеломленно отступая, будто опасаясь спугнуть восхитительное видение. — Она мне снится...»

Когда-то здесь уже жил крылан, но было это давно и закончилось плохо. «У него оказался буйный нрав, — только и сказал распорядитель Садов в ответ на осторожные расспросы Фаби. — Его пришлось продать». Тот человек-птица, как говорили, обладал угольно-черным оперением. Диковатое существо, представлявшееся ей в фантазиях, было скорее птицей, чем человеком, и уж точно не имело ничего общего с прелестной незнакомкой, игравшей на гитаре куда лучше самого умелого из дворцовых бардов.

— ...Это меня пугает, — проговорил знакомый голос, едва пробившись сквозь чарующую музыку. — Я ничего не могу с собой поделать. Вы понимаете, насколько далеко все зашло?

Фаби оглянулась и увидела Ризель: принцесса стояла спиной к озеру, держа за руку незнакомому магуса. На ее появление они не обратили внимания.

— Я все понимаю, ваше высочество, — сказал магус. — Не надо больше слов — они опасны даже здесь, и вы это знаете.

На его правой щеке виднелся уродливый шрам, похожий на кракена, — след давнего ожога, — столь необычная примета среди высокородных аристократов, в чьем распоряжении всегда имелись целители, что Фаби сразу поняла, кто перед ней. Это был сам Рейнен Корвисс, много лет назад отправившийся в путешествие по Дороге печали, как называли в клане Ворона ритуальное изгнание наказанных... или тех, кто наказывал себя сам. Иногда говорили, что таким образом бывший глава семейства пытался расплатиться за то, что Бдительные не сумели найти лекарство для капитана-императора. Фаби подозревала, что слухи если и не далеки от истины, то уж точно не затрагивают истинной причины его... ухода? Изгнания?

Того, чем Дорога печали была на самом деле.

— Что с королевой? — спросил Рейнен. — Как поживает ее величество Алиенора?

— День нашего с вами расставания был последним днем, когда я видела королеву, — тихо проговорила Ризель.

«День расставания, — мысленно повторила Фаби. — Последний день...»

Еще одна тайна, случайно раскрытая в присутствии незаметного воробышка: императрица заперлась в Садах после трагической гибели Амари, младшего принца, а ведь это случилось примерно три года назад. Значит, Рейнен Корвисс появился в Облачной цитадели вовсе не впервые за сорок лет.

Зачем же он пришел?

Фаби, изо всех сил стараясь не шуметь, вернулась в беседку.

Земля, камень, железо. Она лежит, придавленная ужасной тяжестью, и не может пошевелиться. Темно. Холодно. Тихо. О-о, Заступница, где же ты? Если это и есть посмертие, то оно стократ хуже самых страшных сказок о царстве Великого Шторма, о Крабьих лугах. Пусть будут кракены и мерры, пусть ураганы сталкиваются на просторах бескрайнего океана, тратя в бесцельной битве силы, которых хватило бы на сотворение нового мира, пусть будет что угодно — но только не лишнее времени место, населенное спящими тварями, ожидающими своего часа. Они рядом, они близко: хоть вокруг темно, она все-таки чувствует подле себя бесчисленные шипы, клешни, иглы, лезвия. Облачная цитадель не знает, что под ней таится воплощенная смерть, тихая смерть, спокойная смерть, — таится и ждет.

Ждет.

Она лежит, ощущая свое металлическое тело, подобное тысячам других, спрятанных в этих мрачных пещерах, и больше всего боится, что сон и явь когда-нибудь поменяются местами...

— Ваше высочество, пора идти.
— Да-да, я сейчас, — откликнулась Ризель.

Принцесса стояла у открытого окна, ветерок колыхал ее белые волосы. Фаби послушно отступила и уже не в первый раз подумала, что ощущение тяжести, столь хорошо знакомое ей по кошмарным видениям, Ризель отнюдь не чуждо: на эти хрупкие плечи давила всем своим весом огромная Империя.

«Отчего она выбрала меня? Я ведь ничем ей не помогаю, не могу поддержать ни словом, ни делом. Любая служанка справилась бы не хуже!»

Что же привлекло внимание ее высочества за окном? Круглые крыши, пушистые ветви сосен, серое небо с заплывавшей черточкой-птицей...

— Хочешь, я отпущу тебя домой?

Сердце забило воробьем в ладонях. Домой? Насовсем?!

— Я могу. — Ризель улыбалась — еле заметно, но это и была ее настоящая улыбка, а не маска для почетных гостей. — Только скажи. Ты ведь тоскуешь, я чувствую.

Домой...

Сегодня во дворце собрались посланцы кланов, когда-то подписавших договор с капитаном-императором или примкнувших к Союзу Семерых позднее. Фаби не знала, о чем они намеревались совещаться, ее волновало лишь одно: кого из родных доведется встретить в самом скором времени? Наверное, это будет Альд, старший брат. Отец вряд ли оставит остров ради того, чтобы в очередной раз превратиться в удобную мишень для придворных насмешников. Кто бы это ни был, Фаби ждала встречи всем сердцем, и как бы ей хотелось уехать с ним домой, позабыв про Облачную цитадель!

— Ваше высочество, пора... — сказала она, решив оставить вопрос принцессы без ответа. — Время!

Где-то под высокими сводами коридора эхо подхватило последнее слово и принялось с ним играть: «Время... время...
Время...»

— Ты права, — проговорила Белая Цапля. — Идем.

Длинный подол белого платья зашуршал по мраморной лестнице. Фаби поспешила за госпожой, но все-таки успела напоследок оглянуться — за их спинами остался узкий лоскут мерцающего света. Внезапно она подумала, что во всем дворце нет ни одного окна, из которого был бы виден океан. Только залив, да и то не весь.

Спутница принцессы лишь сейчас поняла, как сильно ей не хватает открытой воды.

В просторном зале, где гости собрались в ожидании ее высочества, было холодно: хотя в огромном камине горело, кажется, целое дерево, воздух прогревался лишь на расстоянии трех-четырех шагов от ревущего пламени. «Это все из-за того, что Облачная цитадель построена очень давно, — объявила Ризель однажды. — Раньше она отапливалась таким же хрустальным сердцем, как и то, которое хранит Сады Иллюзий от зимней стужи. Оно сломалось, а обычные каминные помогают — здесь слишком много металла». Чуть помедлив, она прибавила: «Когда я была маленькой, слуги часто повторяли, что тепло крадут мехи и уносят в глубины — туда, где уже много сотен лет не ступала нога магуса или человека».

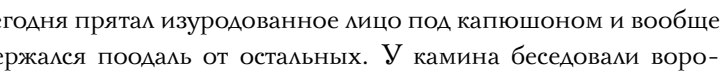
Вспомнив об этом разговоре сейчас, Фаби испуганно вздрогнула — сон, проклятый повторяющийся кошмар! Ей вдруг показалось, что пол под ногами дрогнул, будто там, внизу, беспокойно заворочалось какое-то чудовище.

Десять магусов склонились перед хрупкой девушкой в белом платье:

— Ваше высочество... Мы так рады... Такая честь... Ваше высочество... Принцесса...

Фаби, тенью следовавшая за госпожой, не смела поднять головы и лишь искоса наблюдала. Как и ожидалось, здесь был высокомерный Веилан Ястреб, первый советник. Поблизости от него стоял лорд Рейго Лар, получивший титул старейшины чаек совсем недавно и еще не освоившийся с новым положением. Торрэ Шарп, к величайшему облегчению Фаби,

ШУМ МОРЯ

сегодня прятал изуродованное лицо под капюшоном и вообще держался поодаль от остальных. У камина беседовали вороны — Кармор и Рейнен, — и их беседа шла весьма своеобразно, поскольку Кармор был нем и объяснялся при помощи знаков. Молодой ворон онемел около трех лет назад из-за какого-то неудачного опыта, суть которого так и осталась тайной для придворных; в этом их с Рейненом судьбы были схожи, да и прочие вороны нередко страдали из-за своей любознательности и необоримой тяги к опасным экспериментам. Впрочем, Фаби куда больше интересовала странная неприязнь между Кармором и принцессой: встретившись случайно где-нибудь во дворце, они кивали друг другу, не глядя в глаза, и торопились разойтись в разные стороны. Почти то же самое случилось и сейчас — просто убежать было некуда, — а вот Рейнена Ризель приветствовала с теплотой. Алхимик ответил ей спокойной улыбкой и даже удостоил Фаби мимолетным взглядом, в котором девушке померещилось любопытство.

Спустя миг она забыла обо всем.

В стороне от прочих крылатых лордов одиноко стоял мужчина, чья внешность не представляла собой ничего примечательного: среднего роста, рыжеватые неаккуратно подстриженные волосы торчат во все стороны острыми прядями, бледное лицо напрочь лишено того необычного, подчас высокомерного выражения, которое позволяет с первого взгляда распознать мага. Его хмурый взгляд блуждал по залу с плохо скрываемой тоской.

Лорд Дэйн Торимо, глава клана Воробья, не умел лгать. Придворных лицемеров он ненавидел, но в силу своего крайне шаткого положения вынужден был молча терпеть издевки и ждать приказов капитана-императора, как и подобает слабейшему.

Фаби замедлила шаг, а потом и вовсе замерла на месте.

— Добрый вечер, лорд Торимо, — произнесла Ризель с улыбкой. Воробей склонился в глубоком поклоне. — Мне сказали, вы прибыли только сегодня, рано утром. Не устали с дороги?

— Я выполняю свой долг, — ответил отец Фаби, тщательно взвешивая каждое слово. — Усердно и... неустанно.

— Это очень благоразумно с вашей стороны, — сказала принцесса и едва заметно усмехнулась. — Когда все закончится, приходите в мою гостиную. Там у вас и Фаби будет возможность пообщаться без посторонних глаз.

От неожиданности Торимо вздрогнул, но тут же взял себя в руки и снова поклонился принцессе — этот жест теперь выглядел куда искренней, да только Ризель едва ли его заметила: она как раз встретилась взглядом с высоким темноволосым магусом, которого Фаби, как и Рейнена, никогда раньше не встречала при дворе. Незнакомец был так красив, что спутница принцессы зарделась от смущения; до сих пор ни один мужчина не вызывал у нее такого пугающе приятного чувства. Он будто светился изнутри, и Фаби захотелось подойти ближе, чтобы согреться в лучах этого света, но стоило красавцу взглянуть на нее, наваждение тотчас пропало. Его безупречное лицо было холодным и жестоким, а в глубине черных глаз таилась опасность.

— Эйдел Аквила... — протянула ее высочество слегка насмешливо. — Сколько лет, сколько зим! Провинция пошла тебе на пользу, да? Как называется городок, которым ты нынче управляешь, — Тејравен, кажется? Ну, так или иначе, ты выглядишь здоровым и полным сил.

— Свежий воздух... — таким же ироничным тоном ответил мужчина. — Морской простор...

— Надо же!

— ...и необычайное уныние, моя госпожа. Сам не знаю, как вытерпел столько лет в этом ужасном месте. — Эйдел искоса взглянул на спутницу принцессы, и девушка с ужасом осознала: орел прекрасно понимает, какое впечатление оказывает на молоденьких дурочек вроде нее. Фаби вдруг стало очень стыдно за свою мимолетную слабость.

— Уныние? — переспросила Ризель с неподдельным удивлением. — Поблизости от Окраины?! Позволь не поверить,

Эйдел! Или ты хочешь сказать, что все истории о приключениях, которыми так любят развлекать придворных дам бравые моряки, жививы? Ты что, ни разу не сражался с пиратами?

Магусу, как показалось Фаби, стоило немалых усилий сохранить непринужденное выражение лица.

— Эти мелкие стычки быстро стали рутинным делом, моя принцесса, — сказал он с нарочитой небрежностью. — Я, право, не думаю, что истории о них могли бы вас заинтересовать.

Ризель ничего не сказала; она смотрела на молодого лорда со странным выражением, которое Фаби никак не удавалось истолковать, — это длилось несколько мучительно долгих мгновений, пока Эйдел не потупился.

«Я вспомнила!»

Фаби резко отвернулась, рискуя привлечь к себе внимание или показаться невежливой. Много лет назад, задолго до ее прибытия ко двору, разразился страшный скандал, в котором оказались замешаны трое молодых магусов из разных кланов. Подробностей Фаби не знала — лишь крупницы, собранные из подслушанных разговоров, — но ей было известно, что в конце концов всех этих юношей под благовидными предложениями выслали из столицы на самые отдаленные рубежи Империи, а одного даже назначили наместником императора в какой-то провинции. «Беднягу послали туда, где с ним запросто может приключиться несчастный случай, а целителя рядом не окажется», — туманно заметила одна из придворных дам, не обратив внимания на Фаби, стоявшую совсем близко.

Речь шла именно о том, кто сейчас был в двух шагах от нее, — об Эйделе Аквиле.

А сам скандал каким-то образом касался принцессы...

— Господа!

Ризель повернулась к собравшимся, и широкие рукава ее белого платья взметнулись, точно крылья.

— Рада приветствовать всех, — провозгласила Белая Цапля. Она смотрела на магусов, чуть склонив голову набок, и Фаби по ей одной известным приметам поняла: речь будет очень

короткой. — Как тех, кто бывает во дворце чаще, чем у себя дома, так и тех, кто почтил нас своим присутствием впервые за много лет!

— Я так и думал, что своим визитом доставлю необыкновенную радость, — вполголоса проговорил Рейнен, и в тишине его слышали все.

Алхимик по-отечески улыбнулся принцессе: никто из придворных не мог перебить ее высочество безнаказанно, но Бдительный, в силу своего особого положения, имел право и на большее.

— Сегодня необычный день, — продолжила Ризель. — Сегодня наконец-то пришла весна... но дело не в этом. — Неожиданно принцесса побледнела, ее голос слегка изменился. — Вас ожидает сюрприз, и мне не хочется больше его откладывать.

Она трижды хлопнула в ладоши; невидимые слуги распахнули настежь дверь в соседнюю комнату — там было темно, однако Фаби, как и остальные, хорошо знала, что это за комната и почему она заперта вот уже много лет.

Это был кабинет капитана-императора.

— Добрый вечер, господа.

На поверхности серебряной маски заиграли отблески огней.

Фаби рухнула на пол вместе со всеми магусами, а поднявшись с колен по милостивому дозволению Аматейна, не посмела на него взглянуть, лишь краем глаза ухватила какие-то мелочи — тяжелую трость, затянутые в перчатки кисти рук с длинными, как у Ризель, пальцами, круглый амулет на серебряной цепочке. Когда капитан-император сам на нее посмотрел, девушка чуть не потеряла сознание и едва расслышала, как Ризель прощается с лордами: «Не буду мешать, господа! Обсуждайте дела, а я займусь тем, чего давно уже хотела, — отдохну».

Кажется, Аматеин даже рассмеялся в ответ на эту незатейливую шутку.

Спящие-во-тьме ждут, и нет предела их терпению.
... Скоро, очень скоро ожиданию придет конец.

4. ТО, ЧЕГО ЖЕЛАЕШЬ

...Через час, через неделю и через полгода после встречи с ее высочеством он вспоминал одно и то же — волосы. Белые, точно снег; нет, еще белее; нет-нет, подобной белизны просто не может быть в природе. Он постепенно забыл черты ее лица и цвет глаз — голубые? серые? какая разница... — но волосы запомнил, и они ему снились, они его терзали, душили, убивали. Он был рыбой, а принцесса Ризель — рыбаком. Ни во сне, ни наяву ему не выпутаться из сетей, что она сплела из слов и своих белых волос, пусть даже его собственные волосы такого же цвета...

Кто бы из людей или магусов ни сказал, что, увидев один город Окраины, счита́й, видел их все, — он ошибался. Да, Кеттека, Ямаока, Марейн и даже Лейстес походили друг на друга пестротой лиц, одежда, товаров и разноголосым хаосом рыночных площадей, где южанин и северянин понимали друг друга с полуслова; но все-таки имелась в этом ожерелье островов, разделявшем владения магусов и принадлежавшие меррам южные моря, редкостная по красоте жемчужина — Каама.

Каменная чаша, наполненная водой, что прозрачнее хрусталя, — такой она была. Больше трех веков назад какой-то

оставшийся безмянным рыбак облюбывал это местечко и построил для своей семьи хижину на плоту; вскоре пришли и другие поселенцы, которых не пугали мрачные утесы, поросшие хилыми и кривыми соснами. Огромная бухта, вход в которую стерегли высоченные скалы, давала надежное укрытие даже от самых страшных штормов, нередких в этих краях, а громадные каменные глыбы, тут и там возвышавшиеся над поверхностью воды, оказались достаточно устойчивыми, чтобы новые дома возвели уже на них. Там, где не хватало места, люди мастерили плоты и мосты. Каама росла очень медленно, отвоёвывая у океана пядь за пядью, и никто не заметил, когда она вдруг превратилась в самый большой порт Окраины. Посреди рукотворных островов и каналов, ходить по которым могли только узкие и длинные лодочки, посреди прозрачных вод и головокружительно высоких скал родилось нечто неназываемое, заставлявшее говорить об этом городе с благоговейным придыханием: о-о, Каама!

Шли годы. Войны начинались и затихали; Великий Шторм то и дело пробовал на прочность город-на-воде; старые дома ветшали и рушились, на их месте строились новые. Чем дальше уходил фрегат от Хрустальной бухты, тем причудливей становились слухи о Каама — говорили, что ее кварталы-островки по ночам дрейфуют и лишь к утру останавливаются, цепляясь друг за друга мостами, словно абордажными крючьями. Утром глянешь в окно, а там совсем не та улица, что была накануне вечером. Еще говорили так: несть числа островам в Океане, несть числа мостам в Каама. Местные жители распространяли этот слух с превеликим удовольствием. Мосты, конечно, можно было легко подсчитать... но зачем?

Преодолев трехсотлетний рубеж, Каама быстро постарела. Волны расшатали некогда крепкий фундамент из каменных глыб; сырость на мягких лапах прокралась в дома и поселилась там надолго, угрожая вытеснить прежних жильцов из родных стен; деревянные причалы просели, изъеденные временем и паразитами, и теперь даже самый легкий шторм мог бы об-